

ЧТОБЫ В АМЕРИКЕ СТАТЬ ЗАМЕТНОЙ ФИГУРОЙ, НУЖНО ТАМ РОДИТЬСЯ. Максим Дунаевский: "ЮБОЧКА ИЗ ПЛЮША" - не все, чего мы заслуживаем"

Композитор Максим Дунаевский пропал из поля зрения журналистов года два назад. Доходили лишь смутные слухи о том, что автор бессмертной "Пора-пора-порадуемся" из "Д'Артаньяна и трех мушкетеров" и музыки к еще пятидесяти с лишним фильмам музыку теперь не пишет, зато занимается бизнесом и вообще давным-давно живет в Америке.

- Максим Исаакович, зачем композитору с такой удачной карьерой понадобилось уезжать в Америку?

- В Америку я не уезжал. Уезжать означает нечто другое - когда все рвешь, все бросаешь... Я же решил просто пожить и здесь, и там. Со мной такое случалось - люблю менять свою жизнь.

Хотя мысль остаться на Западе была. Мне стало ужасно тоскливо от засилья малокультурья, от наседающего на тебя богатства других людей, от нашего непричесанного первоначального капитализма. И мелькнула мысль - а не пожить ли там, не переждать, может, приживусь. Теперь я сам изменил свое мнение - в России огромное поле для деятельности, просто не нужно лезть в чужой бизнес, куда я попробовал залезть.

Поэтому я снова вернулся к песне - вместе с поэтом Ильей Резником мы запускаем грандиозный проект, в котором участвуют Николай Караченцов, Михаил Боярский, Татьяна Буланова и Маша Распутина. Записывать музыку и снимать клипы будем в Лос-Анджелесе, в Голливуде. Потому что там, во-первых, работают профессионалы, а во-вторых, не смейтесь, все можно сделать дешевле, чем в Москве.

- Так что же с нами все-таки случилось - мы все внезапно поглупели или наконец обнаружили наши истинные музыкальные пристрастия?

- И поглупели тоже. Потому что та группа людей, которая сегодня поддерживает шоу-бизнес, как и все русские купцы, вышла из низов. И в основном это люди небольшой культуры.

К тому же на нас обрушился девятый вал брайтоновского кабака. Во времена железного занавеса фривольные стишки типа: "Эх, хвост-чешуя, не поймал я... ничего" выглядели очень смело - этакая фига в кармане. А потом сюда хлынул целый поток подобной музыки - на примитив-то народ падок во всем мире.

Хотя какие-то ростки приличной музыки у нас пробиваются - Валерий Меладзе, Андрей Мисин. Ведь их же слушают, это нравится, и не надо оскорблять наш народ тем, что он любит только два прихлопа - три притопа. "Юбочка из плюша" - не все, чего заслуживают люди, приходящие в концертный зал.

- Какая музыка сегодня "в моде"?

- На первом месте, в Америке по крайней мере, - рэп. Рэпперы сейчас зарабатывают самые большие деньги. На втором - ретро. Очень модны красивые голоса, мужской баритон, а не педерастические тембры, какими у нас поют. Хотя и у нас, по исследованиям продажи дисков, на первое место вышел диск с песнями 85 - 89-го годов в исполнении Софии Ротару! Так что что-то ностальгическое в воздухе витает.

- Вы работаете в Америке уже больше двух лет, вам удалось там сделать себе имя?

- Нет. Для того чтобы стать там довольно заметной фигурой, нужно родиться в Америке. Не принимают они чужаков на свой рынок, и поэтому все разговоры о том, что наши певцы имеют там огромный успех, - полная ерунда. Успех они имеют только в эмигрантской среде, для американцев же наша поп-музыка находится вообще за гранью понимания.

Поэтому будь ты семи пядей во лбу, имей девяносто рекомендательных писем и чемодан рецензий и журнальных статей - все мимо. Очень заинтересуются, будут впечатлены, но не более того. А когда ты им уже глаза намозолишь, станешь вроде бы своим, тогда дверь перед тобой приоткроется.

- И что, вы каждый день приходили в Голливуд глаза мозолить?

- Нет, я вообще не из таких. Просто я живу там уже почти три года (правда, по несколько месяцев), с кем-то знакомлюсь. С одним продюсером целый год в теннис играл - замечательная игра для завязывания всяческих связей, - прежде чем он у меня спросил, чем же я, собственно, занимаюсь. Он сам попросил послушать мою музыку, а не я ему навязывался: слушай, я композитор, дай мне работу.

- То, что вы сын известного советского композитора, сыграло какую-то роль?

- Исаака Дунаевского там, конечно, знают, но в основном специалисты, киношники. Это чуть-чуть помогает, возникает какой-то легкий интерес к тебе, но дальше нужно показывать товар лицом.

- Вы поработали и на "Мосфильме", и в Голливуде - чем отличаются эти две крупнейшие студии?

- Аппаратура там чуть-чуть другая, более современная, на записи музыки композитор всегда сам дирижирует своим произведением (у нас же этого почти никогда не делают), и оркестр живой, электроники почти не используют. А так все то же самое - те же люди, та же обстановка, те же запахи. Я когда первый раз на "Юниверсал" зашел - это самая большая голливудская студия, там снимает свои фильмы Стивен Спилберг, - у меня даже сердце екнуло: "Боже, где я".

- Наших музыкантов Америка не принимает, а как относится Голливуд к нашим актерам?

- Мы дружим семьями с моей бывшей женой Наташей Андрейченко. У нас с ней общий сын Митя, так что мы прекрасно общаемся. Не хочу говорить за нее, но, по-моему, там она страдает. Хотя сейчас Наташа снялась в двух американских фильмах, у ее мужа, Максимилиана Шелла, большие планы. Но у русского актера зритель все равно здесь. Менталитет не переделать. И не языковой барьер здесь виноват. Говорят, русские не могут говорить без акцента. Но тот же Шварценеггер говорит с акцентом, и Ван Дамм, и Мишель Пфайффер тоже, но они стали американскими звездами. Не в этом дело, а в разном понимании жизни, в разных актерских школах, в разном воспитании... Хотя Голливуд, эта мировая киноМекка, наполовину состоит из людей, которые имеют русские корни. К примеру, Майкл Дуглас - его отец русский, у матери на четверть славянская кровь. И таких - миллион, а русских туда пускают неохотно. Вот удивительно.

- Вернемся к музыке. Почему же вы все-таки отказались писать гимн России?

- Не то чтоб отказался... Просто я не создан для этого. У меня была уже одна история, когда в 1970 году меня принимали в Союз композиторов. Это был год 100-летия со дня рождения Ленина, и все должны были показать сочинения, посвященные вождю. Кто показывал оперы, кто симфонии, а я поступал без оного. И когда меня на приемной комиссии спросили, где же сочинение, посвященное Ленину, я сказал, что я еще молодой композитор и только начинаю свой путь, поэтому считаю, что профессионально не

готов к такой трудной и глубокой теме. Они не нашлись, что мне ответить. Вот и до гимна я, видимо, тоже еще не дорос. Зато гимном Москвы стала песня моего отца "Золотая моя Москва".

- Ваш отец писал замечательный джаз, но он же и один из создателей советской песни, прославлявшей этот замечательный строй...

- Да, он писал такие песни, но ведь их было не так много, и делал он это талантливо. Когда меня в Америке просят показать наши советские песни и я играю им песни отца, они очень удивляются - и что же в них советского? Можно ли назвать "Марш энтузиастов" просоветской музыкой? Американская красивая музыка, протекстованная соответствующими времени стихами. И те недруги, кто обвинял моего отца в эпигонстве и подражании Западу, на самом деле некоторые основания для критики имели.

Зато песня про Сталина у него была всего одна, да и с той случилась весьма курьезная история. Сталин после "Веселых ребят" очень любил музыку отца и однажды поинтересовался, почему он до сих пор не написал ничего о Сталине. Отцу это тут же передали, и он уселся за работу. Сталин послушал его творение и сказал: "М-да, чудесный талант, светлый талант... Но, видимо, песню о Сталине ему все-таки не надо было писать".